

Глава 8

Хрупкая, плачущая пташка

Сон Пэй Ду был неглубок, и, проснувшись, он не чувствовал ни малейшей сонливости. Он бросил взгляд на небо за окном. Хоть и проспал недолго, отдых выдался на удивление спокойным и глубоким. От этого привычная складка меж его бровей разгладилась, а весь облик стал более умиротворённым и светлым.

Птичий комочек тоже спал, по-хозяйски раскинув крылья на листе бумаги. Кончики перьев время от времени подрагивали, выдавая какой-то птичий сон. Длинный хвост покоился на большом пальце Пэй Ду, а крохотные лапки во сне то и дело легонько пинали его по руке.

Пэй Ду опустил взгляд и увидел хаотичные чернильные следы на бумаге, а затем и на своей ладони. С его губ сорвался тихий, снисходительный смешок.

Книга «Рассуждение об орлах», которую он оставил для пташки перед тем, как прилечь, так и лежала нетронутой — на той же самой странице, без малейших признаков того, что её хотя бы пытались читать.

Не тревожа сон маленького создання, Пэй Ду склонился ниже, внимательно изучая нацарапанный птичьими когтями отзыв.

Как и предыдущие строки, эти тоже не отличались каллиграфической ровностью, но из-за их малого размера та кривая, размашистая небрежность почти не бросалась в глаза.

Сначала Пэй Ду лишь скользнул по ним взглядом. Он дал пташке это задание не для того, чтобы получить осмысленный текст, а скорее, чтобы понять, на каком этапе обучения она находится. Он был завален государственными делами и донесениями со всех концов страны — откуда ему было взять время и силы, чтобы всерьёз заниматься образованием птицы? В конце концов, он просто поддался очарованию её милых уловок и решил немного её подразнить.

Однако этот короткий отзыв, нацарапанный птичьими когтями, заставил Пэй Ду после беглого взгляда вернуться и вчитаться в него заново, слово за словом, строка за строкой.

Шэнь Цзюцзю спал сладко. Во сне он не только долетел до харчевни, но и в одиночку уплетал целую миску жирной, лоснящейся в карамели тушёной свинины. Ел он с таким аппетитом, что клюв его блестел от жира, а довольное чириканье звучало особенно сочно — казалось, птичья жизнь достигла своего апогея. Во сне рядом с ним сидел сам Пэй Ду и, когда трапеза была окончена, заботливо протирал ему платком мордочку, лапки и клюв!

Шэнь Цзюцзю удовлетворённо причмокнул. Его лапки, упиравшиеся в край воображаемой миски, азартно заходили ходуном. Он уже приготовился издать восторженную оду тушёной свинине и только-только раскрыл клюв, как его словно сжала невидимая сила. Как он ни мотал головой, вырваться не получалось.

— Кто это?!

Разгневанный Шэнь Цзюцзю распахнул свои птичьи глазки-бусинки, в которых пылал праведный гнев.

Лишь тогда до него дошло, что клюв его сжимала не невидимая сила, а длинные, бледные пальцы Пэй Ду. Крылья и лапки упирались в его руку, отчаянно пытаясь противостоять мощи

огромного человека.

Движения Шэнь Цзюцзю замерли.

— ...

— Что тебе снилось? — Первый советник Пэй, чья учтивость не знала границ, слегка изогнул губы в улыбке и разжал пальцы. В его голосе слышалось любопытство. — Ты во сне слюной весь умылся.

Шэнь Цзюцзю с досадой отпустил руку Пэй Ду, проворно отскочил за тушечницу и, повернувшись к нему спиной, принялся яростно тереть кончиками крыльев щёки, пытаясь высушить промокший от слюны пух и уничтожить улики.

Рядом заботливо возник платок.

Занятый делом Шэнь Цзюцзю, напрягшись всем телом, не оборачиваясь, проделал акробатически сложный трюк: вытянул лапку, подцепил платок и подтащил его к себе.

Пэй Ду прикрыл губы рукой и, опустив взгляд на книгу, предоставил щепетильной пташке возможность привести себя в порядок в уединении.

Шэнь Цзюцзю старательно вытерся, развернулся и, отыскав на столе чашу для промывки кистей с чистой водой, тщательно пригладил свой пушок. Лишь после этого, словно ничего и не произошло, он подпрыгнул к руке Пэй Ду.

Тот как раз читал «Рассуждение об орлах». Шэнь Цзюцзю заметил, что его усердно выведенный отзыв отложен в сторону — очевидно, чтобы просохли чернила.

Птичка гордо чирикнула и, выпятив грудь, замерла в ожидании обещанной награды.

Пэй Ду, человек слова, тут же протянул руку.

Шэнь Цзюцзю изумлённо выпучил глаза.

Он-то думал, что при такой занятости Пэй Ду отложит обещанное на несколько дней, но тот был готов исполнить его желание здесь и сейчас.

Вне себя от радости, Шэнь Цзюцзю уселся на ладонь и, недолго думая, нырнул прямым в рукав Пэй Ду, принявшись самозабвенно тереться о его напряжённое предплечье.

Выражение лица Пэй Ду стало несколько неопределённым. Он невозмутимо извлёк птичий комочек из рукава и, встретившись с его недоумённым взглядом, мягко произнёс:

— Позволь мне сменить одеяние.

Карета остановилась на углу улицы.

Пэй Ду был одет в простое прямое платье, его пояс не украшали вычурные подвески — лишь одинокий кулон из молочно-белого нефрита.

Шэнь Цзюцзю, не умолкая ни на секунду, перескакивал с левого плеча Пэй Ду на правое. Его

пушистое тельце пряталось в волосах, и лишь тёмные перья хвоста изредка высывались наружу, напоминая с первого взгляда прядь, перекинутую через плечо.

Западный рынок гудел в самый час своего оживления. Шум и гомон толпы обрушились на них волной.

Издали Шэнь Цзюцзю заметил ярко-красные леденцы на палочке, воткнутые в соломенное чучело, и принялся угодливо и заискивающе тереться головой о щеку Пэй Ду.

— Птичка не съест целую палочку, — заметил Пэй Ду.

— Цзю-цзю!

— Я не люблю такие сладости.

Чирикание Шэнь Цзюцзю у самого уха Пэй Ду стало томным и вкрадчивым. Он изловчился и, вытянув свою нагруженную писаниной лапку, изобразил перед глазами Пэй Ду приступ мучительной боли.

Видя, что Пэй Ду остаётся непреклонен, Шэнь Цзюцзю пошёл ва-банк. Недолго думая, он бесстрашно свалился с плеча прямо в подставленную ладонь, картинно откинул голову в сторону леденцов и сложил крылья на груди.

Птичка была убита горем.

Птичка умирала с открытыми глазами.

Но Пэй Ду уже успел выработать некоторый иммунитет к его уловкам и остался невозмутим. В конце концов, дело было пустяковое, но таскаться по улице с липким леденцом предстояло не птичке, а ему.

Поняв, что один план провалился, Шэнь Цзюцзю тут же придумал новый.

Лёжа на ладони, он извернулся, подполз чуть выше и, слегка прижав пальцы Пэй Ду крылом, томно на них опёрся, словно на кушетку. Прикрыв клюв кончиком крыла, он принялся жалобно всхлипывать, изображая хрупкую, страдающую красавицу.

Птичка всего лишь хотела один леденец.

Неужели это такая непосильная просьба?

У-у-у...

Пэй Ду молчал.

Как известно, только что научившиеся читать дети не способны на такие хитроумные уловки. Вспомнив недавний отзыв, ничуть не уступавший работам зрелых учёных мужей, Пэй Ду ощутил, как его подозрения крепнут.

Но все загадки оставались на потом. Сейчас перед ним стоял один вопрос: покупать ли леденец этой хрупкой, плачущей пташке.

Шэнь Цзюцзю остро почувствовал, что оборона Пэй Ду дала трещину, и его всхлипывания стали ещё жалобнее, в них даже появились нотки капризного кокетства.

Пэй Ду, ставший объектом птичьих чар, промолчал.

Первый советник не стал указывать пташке, что её томное моргание больше походило на нервный тик. Он просто развернулся и направился к лотку с леденцами.

Когда Пэй Ду и Шэнь Цзюцзю устроились в отдельном кабинете харчевни, на столе стояли не только чай и закуски для Пэй Ду, но и выпрошенные уговорами и слезами леденец и жареные каштаны.

Едва подававший чай слуга скрылся за дверью, Шэнь Цзюцзю нетерпеливо вылетел из волос Пэй Ду, спикировал на стол и, проехавшись до завёрнутого в лотосовый лист леденца, прижал палочку лапкой и принялся яростно его клевать.

Стук-стук-стук-стук, стук-стук-стук-стук...

Пэй Ду сидел рядом, неспешно попивая чай. Иногда его взгляд обращался к улице внизу, но большую часть времени он наблюдал за усердным «дятлом» на столе.

Тук-тук-тук.

В дверь трижды тихо и размеренно постучали.

— Ваш покорный слуга, помощник начальника Судебной палаты Чжоу Су, осмелюсь просить аудиенции у господина Пэя.

<http://bllate.org/book/13669/1210571>